

Скоропостижный помещик

Случай такой был на осенних вольных работах. Копали солдаты у помещика бураки. Вот, стало быть, в один распрекрасный вечер ворочался солдат Кучерявый

на своем топчане в хозяйской риге. Невтерпеж ему стало, надышали солдаты густо, - цельная рота, нет никакой возможности. Дневальный, к нему спиной повернувшись, устав внутренней службы долбит. Ночничок коптит. Чего ж зевать?

Скочил он тихим манером с койки, шинельку в вещевой мешок прихватил, пошел

искать себе покою. Ходил-бродил и забрался в людскую баню, что на задворках

стояла. Соломки в угол подбросил, уместился кое-как, притих и дремлет.

Блохи

огнем калят, да что ж, ужели из-за такой сволоты не спать?

Однако слышит, кто-то в вещевом мешке копается, - мышь не мышь, будто пес лапами скубет. Лунный дым пол заливает. Приклонил солдат голову, видит, зверь

вроде древесной обезьяны. Откуль такому в Волынской губернии взяться?

Глянул в

другой раз, аж сердце зашло: сверху рожки, снизу копытце, на пупке зеленый

глаз горит. Подтянулся Кучерявый, - солдат не кошка, некогда ему пугаться.

Левую ладонь мелким крестом закрестил, изловчился, и хват за мохнатый загривок. Черт и есть, только мелкой масти, - надо полагать, из нестроевой чертовой роты самый лядащий.

- Ты чего, гад, в мешке шарил?

- Нитки, - говорит, - вощенной искал. Прости, служивый, дьявола ради!

- Зачем тебе, псу, нитки?

- Мышей летучих наловил, взводному бесу на уху. А нанизывать, дяденька, не на что.

- Вот я тебе чичас нанижу!

Выудил из кармана трынчик, сыромятный шинельный ремешок, и, ладони не снимая, скрутил бесу лапки, как петуху на базаре. Встряхнул и сел сверху.

- Ндравится?

- Чему ндравиться? Дурак стоеросовый! Пользы своей не понимаешь.

И захныкал.

- Кака-така польза? Чего врешь?

- Солдат врет, а черт, как стеклышко. Ты б меня отпустил, я б тебе за это исполнение желанья, как полагается, сделал.

- Надуешь, кишка тараканья!

- Ну, жди до свету. Может, я днем дымом растекусь, будешь, дурак, с прибылью. Чертово слово - как штык. Не гнется! Ты где ж слыхал, чтобы наш брат обещанья не исполнял. Ась?.. А между прочим, зад у тебя, солдат, чижолый. Чтоб ты сдох!

И опять захныкал.

Задумался Кучерявый. Чего ж пожелать? Сыт, здоров, рожа, как репа. Однако, машинка у него заиграла, а черт тем часом перемогся, дремать стал, - глаз на пупке, как у курицы пленкой завело.

- Ладно! Что дрыхнешь-то? Тут тебе не спальный вагон. Сполняй желания: желаю быть здешним помещиком. Поживу всласть, мозговых косточек пососу... Хоть на час, да вскачь. Делай!

Черт лапой пасть прикрыл: смешно ему, да обнаруживать нельзя.

- Что ж, - говорит, - вали!.. Удалось картавому крикнуть. Это ты, солдат, здорово удумал.

- А куда ж ты настоящего помещика определишь?

- Не твоя забота месить чужое болото. Подземелье у нас за дубняком есть: там и переспит, очумевши. А когда тебе надоест...

- Что ж тогда делать-то?

- Волос у меня выдери, да припрячь. Подпалишь его на свечке - помещик опять на своем отоман-диване zenки протрет, а ты прямо к вечерней поверке на свое место встрянешь. Понял?

- И козел поймет. Только как бы мне за самовольную отлучку не нагрело. Фельдфебель у нас, брат... шутник!

- Эх ты, мозоль армейский. В помещики лезет, а наказаний боится. Ну, и сиди до утра, дави мои кости, - хрен сухой и получишь.

Привстал Кучерявый, ладонь с загривка снял. Плюнул ему черт промеж ясных глаз. Слово такое волшебное завинтил, - аж по углам зашипело: "Чур-чура, ни пуха, ни пера... Солдатская ложка узка, таскает по три куса: распядь пошире -
вытащит и четыре!" Зареготал черт и сгинул.

И смыло солдата, как пар со щей, а куда - неизвестно.

{{***}}

На утро протирает тугие глаза - под ребрами диван-отоман, офицерским сукном крытый, на стене ковер - пастух пастушку деликатно уговаривает: в окне розовый куст торчит. Глянул он наискосок в зеркало: борода чернявая, волос на голове завитой, помещицкий, на грудях аграмантовая запонка. Вот тебе и бес! Аккуратный хлюст попался. Крякнул Кучерявый. Взошел малый, в дверях стал, замечание ему чичас сделал:

- Поздно, сударь, дрыхнуть изволите. Барыня кипит, - третий кофий на столе перепревши.

- Ты ж с кем, - отвечает солдат, - разговариваешь? Каблуки вместе, живот подбери.

- Некогда, - говорит, - мне с животами возжаться! Барыня серчает. Приказала вас сею минутой взбудить. Все дела проспали.

- Как барыню зовут-то?

Шарахнулся малый.

- Аграфеной Петровной. Шутить изволите?

- А тебя как кличут?

- Ильей пятый десяток величают. Каждая курица во дворе знает.

Спугался слуга. Помещик у них тихий, непьющий, - барыня строгая, винного духа не допускала. С чего бы такое затмение?

Влез солдат в поддевку, плисовые шаровары подтянул, сам себе перед зеркалом рапортует:

- Честь имею явиться. Вас черти взяли, а меня на ваше место представили. Мурло только у вас не очень чтобы выдающее...

Умываться стал, Илья пуще глаз таращит. Где ж видано, чтобы благородный господин, в рот воды набравши, себе на руки прыскал и по роже размазывал. Однако стерпел. Видит, характер у помещика за ночь как будто посерьезнее стал.

- Зубки изволили забыть почистить.

- Я тебе почищу, будешь доволен. Полуоборот направо! Показывай, хлюст, дорогу, забыл я чего-й-то.

Одним словом, взошел он в столовую комнату. Помещение вроде полкового собрания, убранство, как следует: в углу плевательная миска, из кадки растение выпирает, к костылю мочалой прикручено, под потолком снегири насвистывают, помет лапками разгребают. Жисть!

За кофием грозная барыня сидит, по столу зорю выбивает. Насупилась. С собой красавица: у полкового командира мамка разве что чуть пополнее...

- Заспался? Заместо кофию сухарь погрызешь песочный. Требуха ползучая! Забыл, что-ли, какой ноне день?

- Не могу знать. День обнаковенный, воскресный. Дозвольте вас, Аграфена Петровна, в сахарное плечико... того-с...

Вскипела барыня, плечом в зубы ткнула, так пулеметным огнем и кроет... Откудова ж Кучерявому знать, что у них вечером парад-бал назначен, батальонный адъютант дочке предложение нацелился сделать. Упаси Господи, хоть из дому удирай, да некуда. А барыня дочку из бильярдной кличет, полюбуйся, мол, на

папашу. Забыть изволил - "жирофлемонпасье"! Может, оно по-французски и хорошее
что обозначает, а может, француз за такие слова чайный сервиз разбить должен...

Дочка ничего, из себя хлипкая, жимолость на цыплячьих ножках. Покрутила скорбно головой, солдата в темя чмокнула. Нашла тоже, дура, куда целовать.

Одним словом, отрядила барыня солдата перед крыльцом дорожки полоть, песком посыпать. Как ни артачился, евонное ли, бариново дело в воскресный день

белые ручки о лопух зеленить? - никаких резонов не принимает. Как в приказе:

отдано и - баста. Слуги все в город за вяземскими пряниками усланы, Илья-Холуй

на полу сидит, медь-серебро красной помадой чистит. Полез было солдат в буфет

травнику хватить, чтобы сердце утишить. Ан, буфет на запоре, а ключи у барыни

на крутом боку гремят. Сунься-ка!

Ползал он, ерзал до обеда, упарился, китайского шелка рубашка пятнами пошла. Домашний пес, медеянский пудель, за ним, стерва, ходит. Чуть Кучерявый

присядет корешков покурить, тянет его за поддевку, рычит: - "Работай, мол, солдатская кость, знаем мы, какой ты есть барин!"

С пол-урока отмахал, дочка ему в форточку веером знак подает: папаша, обедать! Взыграл солдат, - в брюхе-то, ползавши, аппетит нагуляешь. Взошел перышком. Смотрит, перед барыней гусь с яблоками, перед им - суп-сельдерей из

мушиных костей, две крупки впереди плывут, две сзади нагоняют.

- Почему, - говорит, - такое?

- Почки у тебя гнилые, мясного тебе нельзя. Супу не хочешь, - моркови сырой погрызи, очень от почек это помогает.

Встал солдат из-за стола, - будто на сонной картинке пирожок лизнул. В плевательную миску плюнул. "Покорнейше благодарим!" Поманил Илью глазом.

Стоит, гад, чурбан-чурбаном, с барыниной шеи муху сдувает. Сам, небось, все

потроха-крылышки потом один стрескает. Пошел горький помещик с пустой ложкой на кухню. Котлы кипят, поросенок на сковороде скворчит, к бал-параду румянится.

Фельдфебель, кот лысый, расстегнувши пояс, у окна сидит, студень с хреном хряпает, желвак на скуле так и ходит. Посматривает Кучерявый издали на фельдфебеля с опаской, переминается, а сам спряпуху в сени манит:

«Выдь-ка, мать, разговор будет». Вышла она к нему, ничего. Женщина пожилая, почему и не выйти.

- Ужели, - говорит солдат, - для ради своего барина и студня не найдется? Оголодал, мочи моей нет, - кишка кишку грызет.

Не на такую, однако, наскочил.

- И не просите, ваше здоровье! Барыня меня пополам перервет, потому - почки у вас заблуждающие.

Послал он спряпуху, куда по армейскому расписанию полагается, с тем и ушел. Фельдфебельскую казенную горбушку на кадке нашел, сгрыз до крошки. А за окном солдаты, ротные дружки, в ригу гуськом спешат, котелки с щами несут, лавровый дух до самого сердца достигает, мясные порции на палочках несут. Променял быка на комариную ляжку!

Вертается он мимо барыниной спальни. Слышит, спружины под барыней ходят, кряхтит барыня, гуска ее распирает. Поиграть, что ли? Остановился, в дверь мизинным пальцем деликатно брякнул.

- Дозвольте взойти? В акульку перекинуться, либо орешков погрызть? Очень тошно одному до дому слоны слонять. А вы, между прочим, из себя кисель с молоком, хоть серебряной ложкой хлебай. Душенька форменная!

- Пошел, - говорит, - прочь, моль дождевая! Чтоб я таких слов солдатских больше не слышала!

К дочке в стенку изумрудным кольцом тюкнула и опять слова свои по-французски: "жирафле-монпансье..." Хрен их знает, что они обозначают.

Стащил Кучерявый с коридорного ларя лакейскую гармонь. Обрадовался ей, словно ротному котлу. Пошел к себе в кабинет, на отомане устроился, ноги воздел и только было грянул любимую полковниковую:

Дело было за Дунаем
В семьдесят шастом году, -

ан, летят со всех ног Илья-холуй да стряпуха Фекла, руками машут, гармонь из рук выворачивают.

- Барыня взбеленившись, у них только послеобеденный сон в храп развернулся, а вы ее таким простонародным струментом сбудили. Приказано сей же час прекратить!

Загнул солдат некоторое солдатские присловье, Феклу так к стене и шатнуло. Однако, подчинился. Видит - барыня в доме в полных генеральских чинах, а помещик вроде сверхштатного обозного козла, ротной собачке племянник.

Задержал он в дверях Илью, спрашивает:

- Что ж это, друг, барыня у вас такая норовистая? До себя не допускает, никакой веселости ходу не дает. В чем причина?

Лакей форменно удивляется:

- Рази ж вам неизвестно, что имение на ихнее, барынино, имя записано. Характер у вас по этой причине подчиненный. Туфельки на бесшумной подошве надеть извольте-с. Барыня серчает, почему скрип.

- Дал бы я твоей барыне леща промеж лопаток... Давай туфлю-то, рабья душа!

Скидывает он с тихим шумом штиблетки на самаркандский ковер. Нагнулся, - слышит от Ильи умильный дух - перегаром несет.

- Что ж, Илья, этак не годится! Я ведь тоже вроде человек. Тащи сюда сладкой водочки, да огурцов котелок. Ухнем в тишине, тетку твою за правую ногу!

- Никак нет, сударь! Барыня меня должности решит. Я потаенно, извините, вкушаю. А вам они нипочем не дозволяют. Капли свои почечные извольте принять.

Схватил солдат Илью за бело-коленкорые грудки, потряс и в коридор высадил. Пал на отоман, бородку в горстку сгреб и до самой вечерней зари,

как

бугай, пластом пролежал. Авось, думает, на бал-параде отыграюсь...

{ {***} }

Вечеру снарядили солдата по всей форме. Сапожки лаковые по ранту, поддевка новая, царского сукна, кисть на рубашке алая, полтинник, не меньше, стоит. Набрался он духу, сунулся было в дверях с ротного командира шинельку стаскивать. Однако барыня зашипела: "Ты что ж, денщик, что-ли? Фамилию свою срамишь. С дам скидывай, а с господами офицерами и Илья управится". Ротный ему лапу сует, здоровкается, а солдат-дурак руки по швам, глаза пучит, тянется. Кое-как обошлось. Идут в зальцу. Начальства этого самого, как в полковой праздник. К закускам табуном двинулись. Графины один другого пузатее, разноцветным зельем отливают.

Насмелился солдат, - в суете да с обиды и мышь храбра, - дернул рюмку-другую. С полковым батюшкой чокнулся, хоть он и на офицерской линии, однако, вроде вольного человека. Хватил по третьей, - барыне за адъютантской спиной подмигнул: сторонись, душа, оболью. Четвертую грибком осадил. От пятой еле его Илья отодрал, - не жаль себя, да жаль водочки... Кругом народ исподтишка удивляется: ай-да помещик, неужели барыня на его имя имение отписала? Ишь хлещет, будто винокуренный завод пропивает.

Однако, укорот ему тут барыня сделала. Посадила с собой рядом за стол, по другую руку ротный. Прикрутила малого на короткую цепочку. Сама его в бок локтем, каблуком на мозоль давит, глаза зеленые, того и гляди пополам перекусит. Ротный его про здоровье спрашивает, насчет заблуждающейся почки, а он, словно за чуб его бес поднял, вскочил да гаркнул по солдатски:

- Покорнейше благодарим, ваше высокоблагородие!

Гости, известно, ухмыляются: разнесло, мол, помещика, рот на распашку, язык на плече...

Осадила его барыня на задние ноги, аж шароварный хлястик лопнул. Кругом пьют, едят, сосед соседке кренделяет. Один солдат, как пес на аркане. Только во вкус вошел, робость монопольным винтом вышибать стало, ан тут и точка.

Между тем, господин полуротный напротив сидел, догадался: "Воды, говорит, - не угодно ли? Потому у вас в лице сердечная бледность".

Накапал ему с полстакана. Поднес Кучерявый к усам: хлебной слезой так в душу и шибануло! Опрокинул на лоб, корочку черную понюхал, сразу головой будто

выше стал. Барыне сам на мозоль наступил, в бок ее локтем двинул... Песню играть стал, с присвистом ложками себе по тарелке подщелкивает:

На поляне блестит лужа,
Воробьи купаются...
Наша барыня от мужа
В полдень запирается!

Катавасия тут пошла, грохот. Барыня авантажной ручкой до солдатской морды добирается: сконфузил, гунявый, при всех, да и дочке карьеру того и гляди перешибет. Ротный ее оттаскивает, полковой доктор каплями прыщет. Еле угомонились. А тут дочка для перебоя на фортепьянной музыке танец вальс ударила, завертелись кто с кем. Солдат не зевает, полынной в суматохе в проходном закоулке хватил, - хмельной клин в голову себе вбил. Ротного матушку, полнокровную сырую старушку обхватил и давай ее почем зря буреломом вертеть, как жернов вокруг пушки. Солдатские вальцы ломают пальцы...
Насилу
отодрали.

Разбушевался Кучерявый. По ломбардному карточному столику ляпнул - доска пополам.

- Кто здесь хозяин? Я! Построиться всем в одну шеренгу! На первый-второй рассчитайсь!.. Ряды вздвой! Желаю всем приказание объявить...

Ну, тут некоторые военные насупились: простой помещик, вольная личность - офицерским составом командовать вздумал. Собрались кольцом, дым ему в нос пускают, пофыркивают. А он как рявкнет:

- Желая, чтобы всю роту чичас же сюда представить! Всем солдатам полное угощение! И чтоб жена моя, барыня, при полном параде русскую перед ими сплясала. Живо!

Тут его окончательно и пришили. Справа и слева под ручки, как свинью на убой, поволокли. Елозит он ногами, упирается, а барыня сзади разливательной ложкой по ушам да по темени. Насилу полковой доктор уговорил, чтобы полегче стучала, потому при блудящей почке большой вред, ежели по ушам-темени бить.

Вдвинули его в кабинет, наддай пару, так до самого дивана на собственных салазках докатился. Вот тебе и помещик! И дверь на двойной поворот: дзынь. Здравствуй, стаканчик, прощай вино!

Отдышался он, вокруг себе проверку сделал: вверху пол, внизу - потолок. Правильно. В отдалении гости гудят, вальц доплясывают. Поддевка царского сукна

подмышкой пасть раскрыла, - продрали, дьяволы. Правильно. Сплюнул он на самаркандский ковер, - кислота винная ему поперек глотки стала. Глянул в угол,

- икнул: на шканделябре черт, банный приятель, сидит, щучий сын, ножки узлом

завязывает-развязывает. Ах ты, отопок драный, куда забрался.

- Что ж, господин помещик, весело погуляли, мозговых косточек пососавши?

- Не твое, гнус, дело. Слезай чичас с моей шканделябры!

- Слез один такой... Говори с дивана, я и отсюда слышу.

- Желанье мое второе сполнить можешь?

- Уговор об одном был. Разлакомился?

- Барыню мою сократи, сделай милость. Я тебе вощенных ниток цельный моток

у каптенармуса добуду.

- Ишь, сирота! За одну минуту кости давил, а теперь - моток! Шиш получишь, а второй тебе завтра барыня к обеду выставит. С мозговой косточкой...

Рванул было Кучерявый с дивана, да хмель его назад навзничь бросил... На пустой желудок, полынная, известно, хуже негашенной извести.

- Эфиоп тухлый! Сдерну вот пищаль с ковра, глаз тебе на пупке прострелю, как копеечку...

- Вали, вали! Пищаль, брат, с турецкой кампании не заряжена. Мишень-то готова.

Рыбьей спиной повернулся и хвост задрал.

- Пали, ваше благородие. Может, ручки подсобить вам поднять?

И серный дух по всему кабинету пустил. Прямо до невозможности.

Икнул солдат, язык пососал и голову набок.

{ {***} }

Прочухался солдат через некоторое время. В окне вечерняя заря полыхает. Пошарил кругом, от помещицкого обмундирования одна пуговица на ковре валяется.

Дверь на запоре. Под окном медеянский пудель, домашняя собачка, на цепу скачет, пленника стережет. Дожил Кучерявый. Ротный не сажал, а тут партикулярная баба строгим арестом наградила. Илья, поди, в замочную щель смотрит, в кулак, стервец, грегочет. Опохмелиться нечем... Слюнку проглоти, да языком закуси. Потряс он дверь изо всех солдатских сил, барыня из биллиардной так и рывкнула:

- Цыц, гунявый! Не то и белье отберу. Жалобу губернатору подам, что ты меня тиранить. Я евонная дальняя тетка! Он тебя, окаянного, в дисциплинарный монастырь сошлет...

Хлопнул себя солдат по исподним, - попал, как блоха в тесто. И пяток теперь не отдерешь. А за окном солдатики у колодца весело пофыркивают, белые личики умывают. Жисть!

Сунулся он было в кисет, дымом перегар перешибить. Ан в кисете пусто: только и всего - дратва не дратва, вроде свиной щетинки волосок свернувшись.

Вспомнил он, в чем суть, на радостях на весь дом засвистал, аж в шканделябрах хрусталики закачались. Теперь можно! Шваркнул серничком о пол, запалил волосок, - и смыло солдата, как пар со щей...

А переключка тем часом идет, до его фамилии добираются.

- Кучерявый!

- Я!

- Ты где ж это, лягавый, бродил? Куда самовольно отлучался?

- Не могу знать, господин фельдфебель!

Не успел фельдфебель на него зыкнуть, распоряжение сделать, чтобы на утро солдата при полной выкладке под ружье у риги поставить, - ан в дверях Илья-холуй с ножки на ножку деликатно переступает.

Подошел фельдфебель, ручку ему потряс.

- Барыня прислали, нельзя-ли к им завтра утречком солдатику прислать. По случаю бал-парада столик ломбардный пополам хряснул.

- Что ж, - говорит фельдфебель. - Кучерявый у нас столяр выдающий. Завтра утром и пойдешь. Барыня тебя за работу гуской покормит, мозговых косточек пососешь...

У солдата аж в грудях засвербело. Не иначе как черт это его опять сосватал. Ишь, зеленый пупок в углу над бревном помигивает. Закрестил от себе мелким крестом ладонь, руку сжал, черту исподтишка кулак показывает.

И фельдфебель, - точно его, лысого кота, ветер на оси в другую сторону завернул, - задумался...

- Никак нет... Запомятовал. Завтра утром ротный приказал Кучерявого в город командировать. В полковой канцелярии шкаф рассохши...

Вздохнул Кучерявый. Будто сто пудов с плеч сбросил... Да, пожалуй, барыня не меньше того и весила.